

Михаил Розен

16+

Экология и психология

Михаил Розен
Экология и психология
(записки репатрианта)

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51399191
SelfPub; 2020*

Аннотация

В книге автор описывает свой жизненный путь инженера-эколога в Советском Союзе и Израиле и свой путь в личной жизни.

Содержание

Глава 1. Исход	4
Глава 2. Первые шаги	11
Глава 3. Начало познаний	15
Глава 4. Перспективное знакомство.	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Глава 1. Исход

Несколько раз Миша подавал заявление в ОВИР с просьбой о репатриации в Израиль и всегда получал «отказе». Отказ обычно сопровождался сентенцией лысый капитана с красным носом алкоголика: «Что Вам евреям надо? Вас в СССР бесплатно, учит, лечит, дает работу, платит хорошие деньги, но Вы, как волки, в темный лес смотрите! Эх! Будь моя воля ...». На этом месте капитан, обычно, прекращал свою речь, вероятно, опасаясь выйти за пределы политической корректности. Однако в речи капитана была доля истины.

За свое упорное желаний репатриироваться в Израиль Миша потерял должность научного сотрудника в научно-исследовательском институте промышленной экологии «НИ-ИОГАЗ», и получил возможность попасть в «психушку» или за «решетку». Все это произошло из-за нескольких событий и перевернувших его довольно удачную начавшуюся научную карьеру и счастливую семейную жизнь. Конечно, главным событием, вызвавшим у Миша душевное потрясение была неожиданная скоропостижная смерть от рака его еще молодой горячо любимой жены. Второй причиной, выбивший его из колеи обычной советской жизни была система FGD, или так называемый замкнутый цикл производства на одном из самых опасных для здоровья человек и окружаю-

щей среды, и широко развитых во все мире технологических производств, которое называется агломерации рудных концентратов (в том числе и радиоактивных). Этот технологический процесс связан с выбросом в атмосферу и окружающую среду тысячи кубов мелкодисперсных аэрозолей и миллионы кубов парниковых газов. Идеей создания такой системы захватила Мишу, когда он был еще производственным инженером. Благодаря проекту этой системы Миша, беспартийный еврей, был принят вне конкурса в экологические НИИ на должность научного сотрудника. Как известно всякие потрясающие житейские события обычно обрушиваются на человека в самое не подходящее время. В то время, когда Миша находился в состоянии нервного стресса, вызванного неизлечимой болезнью, а затем и смертью жены, на него вдруг обрушилась слава. Промышленный образец системы FGD, над внедрения, которого в производства на одном из крупных металлургических заводов Украины Миша мучился два года, показал хорошие результаты. Начальство института, для собственной рекламы, постаралось и модель системы FGD вскоре оказалась на стендах ВДНХА СССР в Москве. Миша был награжден сразу двумя медалями ВДНХА и серебряной и золотой, а также ему было присвоено звание «изобретатель СССР».

Обрушившаяся на скромного инженера производственная слава не вызвало у Миши радости. Он был просто подавлен смертью жены.

Он просто не мог теперь найти себе место в обычной советской жизни. Его добрая еврейская мама говорила, горестно вздыхая: «Бедный мой «Шлемазл»! (В переводе с «идиш» слово «шлемазл», значит «неудачник») «Почему тебе так не везет?»»

Как только Миша узнал о страшном диагнозе своей жены, начались его хождения по различным медицинским учреждениям. Среди эскалопов попадались разные люди, одни пытались помочь, другие вымогали взятки. Кстати на взятки различным медицинским светилам «уплыли» все его награжденные деньги и премии, получение за систему FGD.

Его школьный друг познакомил Мишу с доктором Ротенбергом, сказав при этом, что Исаак отличный врач и настоящий еврейский человек. Доктор Ротенберг, действительно оказался «настоящим еврейским человеком» Он сделал все, что мог, как врач, для жены Миши и оказал Мише понимание и сочувствие. Миша сразу почувствовал симпатию к нему. Они стали друзьями. Доктор Ротенберг познакомил Мишу с небольшой группой

сионистки настроенных молодых евреев, которую он сам и организовал. Эти евреи собирались вечерами в разных тайных местах, слушали (без глушения)передачи израильских и западных радиостанции , изучали иврит, основы иудаизма, современную еврейскую историю, и правдивую историю государства Израиль. В опустошенную смертью жены душу Миши стали входить новые знания и понятия смысла жизни.

Лабораторию института, где Миша работал, возглавлял некий научный сотрудник Андрусенко. Андрусенко, кроме завлаба, был еще и секретарем партбюро института. Одного еще звания товарищу Андрусенко не хватало, и к которому он страстно

рвался, это научного звания, но с диссертацией у него дело не ладилось. К разработке

разработк FGD Андрусенко имел только косвенное отношение. Однако, когда Миша еще только оформлял авторской заявки на эту установку. Это происходило еще в годы счастливой семейной жизни и спокойно научной работы, Андрусенко вызвал Мишу в свой партийный кабинет. Там он вынул из сейфа бутылку коньяка, налил себе и Мише по «минзурке». Они выпили и шеф сказал: «Миша! Не надо бежать впереди паровоза!

В авторской заявке, которую ты оформляешь на первом месте должна стоять мое фамилия.» Когда КГБ пронюхало об подпольной сионистской группе и участием в этой группе Миши, парторг Андрусенко потребовал немедленно собрать партийное и общественное собрание коллектива и рассмотреть антисоветское поведения сотрудника института Михаила Розена. Собрание единогласно осудило поведение сотрудника Михаила Розена и потребовало изгнать его из института.

Наконец, Миша на железнодорожной станции Чоп, последней станции советской страны. Представители еврейско-

го народа штурмуют таможенное отделение вокзала. Они нагруженные чемоданами и сумками и очень взволнованы. Их можно понять. Они хорошо знают нравы советских вождей. Сегодня новый вождь Горбачев дал разрешение на выезд в Израиль, а завтра может его отменить и отправить евреев вместо счастливой Америки, или загадочной «земли обетованной» в «солнечный» Магадан».

Миша, стоит со старенькой матерью и двумя небольшими чемоданами перед таможенными чиновниками. Их багаж настолько скромный, что вызывает подозрение у бдительных таможенников. Они заставляют Мишу снова открыть чемоданы, и не найдя в чемоданах золота и брильянтов ругаются матом.

Наконец, вагон пассажирского поезда Москва – Вена, полный взволнованных евреев, отправляется в путь. Как, не странно, но в вагоне царит мертвая тишина. Молчат даже дети. Мимо окон проносится цветущая весенним цветом украинская земля. Чувство тяжелой потери охватывает Миша. Рядом у вагонного окна стоит его мать. По её морщинистым щекам текут слезы.

Поезд замедлил ход около высокого столба с блестящим, металлическим щитом. На щите огромными красными буквами написано: СССР. Пограничники соскакивают с подножек вагонов. Окончилась великая страна.

Поезд опять набирает скорость. Еврейский вагон вмиг оживает. Евреи, в основном одесситы, вскакивают со сво-

их мест и начинают метаться по разным купе. Оглушительный одесский жаргон сотрясает воздух. Из словесного потока одесситов выплывают, незнакомые, исковерканные английские слова: «вальфер», «статус» «лайсенс». Утром поезд прибывает на Венский вокзал. Вокзал огромный, серый, чужой. Вскоре Миша с матерью попадают в приемную «Сохнута» (еврейского агентства).

На стенах портреты израильских вождей и виды Иерусалима. Миша с удивлением оглядывается вокруг: «Почему нас только несколько человек в приемной «Сохнута»?

Где же остальные попутчики по еврейскому вагону?»

На перроне Венский вокзал, попутчики, горячо целовали молодых израильтян, которые их встречали и, говорили красивые слова о своей любви к Израилю! Куда они делись?» Миша снова увидел своих попутчиков, на площади перед Венским вокзалом. Попутчики быстро заполняли автобус со звездистым американским флагом. Некоторые из них улыбались Мише: «Что значат эти улыбки?» – пронеслось у Миша в голове. Его ноги стали, инстинктивно, поворачиваться в сторону американского автобуса. Но другая мысль остановила его: «Ты дал клятву Богу войти в Израиль! Бог накажет тебя, если ты не выполнишь эту клятву!» Была уже ночь, когда Миша с матерью усадили в «Боинг» израильской компании «Эль-Аль». Гигантский лайнер был полупустой. Миша, задремал, утомленный дневной суетой. Проснувшись, он увидел в иллюминатор серебряные полосы лунного света

на морской глади. Вскоре вдали заискрились тысячи огней. «Тель-Авив!» – Он услышал по радио, и радостный трепет охватил его.

Глава 2. Первые шаги

В аэропорт Бен-Гурион, Миша с матерью прилетели рано утром. Их поместил в огромном пустом зале, где было полутемно и прохладно. В этом же зале Мише пришлось побывать еще раз через пять лет, когда он встречал своих родственников, новых репатриантов, из развалившегося СССР. Тогда здесь было шумно и жарко и яблок негде было упасть. Но пока СССР еще крепко стоял на своих «глиняных ногах» и Мише с матерью несколько часов сидели в пустом зале. Наконец чиновник выпили свой кофе и начали оформлять документы. Когда Миша с матерью вышли из кабинета чиновника был день 18 мая 1986года. Горячее солнце встретило их первые шаги на израильской земле.

Из аэропорта имени Бен – Гуриона они ехали по широкой автотрассе. Город Лод выросли перед ними неожиданно. Серые трехэтажные дома и несколько восьмиэтажных зданий, похожих на спичечные коробки, стояли вдоль улиц. Автобус остановился около одной из этих высотных коробок. Над парадным входом была надпись «Центр адсорбции» На иврите; «Мирказ клита олим». Сквозь огромные окна первого этажа был виден холл, мягкая мебель, и люди, сидящие в удобных креслах. У входа в «Мирказ клита» перед Мишей неожиданно вырос толстый, смуглый человек, с густой черной бородой и черной « кипой» на голове. Он, молча, внимательно осмот-

рел Мишу, его мать, и их убогий багаж, потом сделал властный жест рукой что, вероятно, означало: «Идите за мной.»

Через несколько минут Мишу с матерью, вместо помпезного здания «Мирказ клита», оказались в невзрачном двухэтажном доме. Их поселили в двух маленьких комнатах «общаги». Строгий человек, определивший их жилье, был местный комендант. Вскоре они получили от него деньги на питание. Мишу дали мизерную сумму, но мать получила пособие по старости, на которое можно было кое-как существовать вдвоем.

Однако Израиль еврейская страна. На следующий день мать познакомилась с женщиной, которая жила рядом с их общежитием, в своем доме. Они разговорились на родном языке «идиш». Женщина оказалась землячкой матери. Она прошла через ужасы фашистских концлагерей и прибыла в Израиле почти сорок лет назад.

Вскоре она пришла в гости с кучей подарками. Среди подарков были рубахи, халаты, солнцезащитные очки, легкая обувь. Все, что необходимо для жаркого израильского климата. Но главное, она дала правдивую информацию о том, как жить и выживать в этой загадочной стране. Правда в «общаге» были «социальные работники», которые должны были помогать репатриантам устраиваться в «новой жизни», но «социалки» не знали ,ни русского, ни идиш, поэтому они целый день пили кофе и беседовали между собой.

Вскоре Миша познакомился с маляром, который красил

стены их жилища. Приветливый парень из Ташкента говорил по-русски. Когда он узнал, что Миша приехал из Украины, он посоветовал ему обратиться к «Балабусу». (начальнику): «Балабус» нашей конторы тоже с Украины, обратись к нему» — посоветовал новый знакомый.

Кабинет «Балабуса» находился на седьмом этаже здания «Мирказ клита». Миша увидел из окна приемной зеленый ковер садов, полей и лугов, стада овец на лугах, а на горизонте голубела полоса моря. Миша любовался библейским пейзажем, пока его не пригласили в кабинет «Балабуса»

Лысый мужчина средних лет, на приветствие Миша прореагировал слабо. Он посмотрел на него через модные очки и опять занялся бумагами. Наконец «Балабус» пригласил Миша к столу. Секретарша поставила на стол бутылочку «Кока-Кола» и несколько вафель на пластмассовой тарелке

«Балабуса»-звали Сани. Он, монотонным голосом, начал читать вслух биографические данные Миши. Дипломы и патенты, которые Миша получил на «доисторической родине» не вызвали у Сани никаких эмоций. Он только скривил губы и сказал:

« В Израиле каждый «оле-ходаш» (новый репатриант) должен сам доказать, что он стоит! Миша не смог сдержаться: «В Киеве в «Еврейском агентстве» нам говорили, что Израиль это единственная страна в мире, где все советские дипломы признаются...»

Сани прервал его речь и даже повысил голос: «Смотри

на него! Только приехал, а уже критикует страну! Ты беги в «Ульпан» (учебный центр) и учи иврит! С твоим языком тебе в Израиле даже коз пасти не доверят!» Когда Миша вышел из кабинета «балабуса», библейские сюжеты за окном уже не вызывали у него умиления.

Глава 3. Начало познаний

В подпольном журнале «Положение евреев в СССР», Миша читал много статей о древнем и самом молодом языке еврейского народа – иврите: «Иврит дан Богом и лежит в глубине каждой еврейской души!» – писали в этих статьях. Миша прибыл в Израиль из города, где не было ни одного еврея, которые бы знали боле мене сносно современный иврит. Миша изучал иврит по дореволюционному русско-еврейскому словарю, случайно купленному на «толкучке» в Мелитополе. Наконец Миша пришел в «Ульпане» на встречу с этим еврейским чудом. Учительница, молодая уроженка Марокко, обучала репатриантов из различных стран Европы Азии и Африке по единой принятой в Израиле системе – «иврит на иврите». Она быстро писала на доске знакомые буквы, но из её ярких губ вылетели какие-то звуки, которые Миша не мог понять. Его охватывает страх: «Неужели я превратился в идиота?» – подумал он. Миша? Что стоят твои дипломы? Ты даже «киту алеф» (первый класс) не можешь одолеть!» На следующей неделе он направил Миша в другой «Ульпан». В этом «Ульпане» иврит преподавала пожилая еврейка из Польши. Она немного знала русский язык. С ее помощью Миша выучил загадочное звучание слов на иврите и стал немного читать и писать на этом языке.

В «общаге», где проживал Миша, жил одинокий пожи-

лой молдавский еврей по имени Алик. Алик впервые привел Миша в «ашкеназскую» синагогу (синагогу европейских евреев). В городе на каждом шагу находились большие и маленькие синагоги, но их заполняли люди непривычной восточной внешности. Они смотрели на Мишу, как-то странно. Вскоре Миша узнал, что почти каждая из многочисленных израильских община имеет свою синагогу. В «ашкеназской» синагоге Миша сразу почувствовал что-то родное. С нами вежливо поздоровались и удостоили рукопожатий. Сияющий серебром «Тора», теплый свет от позолоченных люстр под высоким куполом возвратил ему религиозное вдохновение. Когда запели субботние псалмы, Миша, почти не зная слов, с таким рвением подхватил мелодию, что на него стали оборачиваться молящиеся. После субботней вечерней молитвы Алик остановил Мишу перед маленькой дверью. Они очутились в небольшом уютном зале. Вдоль стен стояли стеллажи, заполненные книгами, а посреди зала стоял длинный стол укрытый белой скатертью. Человек двадцать бородатых евреев разных возрастов в черных сюртуках и шляпах сидели за столом. На столе стояло много тарелок. В тарелках были печенье, фрукты. Бутылки с кошерным вином тоже стояли на столе. Их пригласили к столу. Почтенные евреи говорили между собой на «идиш», который Миша понимал. Он прислушался к их разговорам, надеясь услышать очередную мудрость. Однако, кроме рассуждений о том, почему на базаре поднялись цены не помидоры и спо-

ра, о том, какую дочь, восьмую или девятую, родила жена раввина, он не услышал. Через несколько дней в дверь квартиры, где проживал Миша, осторожно постучались. В комнате появился молодой мужчина с редкой рыжей бородой и пейсами. Миша уже видел его в синагоге во время субботней молитвы. На ломаном русском языке он предложил Мише поехать в «ишиву» (религиозное училище), где мудрые раввины приблизят его к истинам Торы. «Ишива» находилась в Мевасерет – Цион, религиозном поселении в нескольких километрах от Иерусалима. «Ишиботники» – учащиеся ишивы, разъехались на каникулы и группу русскоязычных «олим» (репатриантов) поселили на их места в общежитии. Общежитие «ишиботников» мало чем отличалось от студенческой общаги. Только в маленьких комнатах, вместо четырех коек, стояла две, имелся туалет и полки со святыми книгами. Группа «олим ми русия» (репатриантов из бывшего СССР) состояла из репатриантов из Западной Украины, России и Молдавии. Среди них было и семейства «субботников», которых здесь называли «геры». Они приехали из саратовской глубинки. Это были русские люди, но они уже сносно говорили на иврите. Обучение в «ишиве», состояло из изучения некоторых комментариев к текстам священных книг. Комментарии представляют собой, сложную мозаику еврейской мудрости. Рядом с отчаянными криками измученных душ: «Лучше – бы человеку и не родиться!» стояли вечные, светлые мысли великого пророка Гелия: – «Истину и мир возлю-

бите!» После окончания курса лекции в Мевасерет-Ционе «олим ми русия» повезли на экскурсию по святым местам Иерусалима. Посещение многочисленных святых мест и исторических достопримечательностей Старого города Иерусалима вызвали у Мише большое волнение. Ему тяжело было разобраться в этом вихре чувств и ощущений, которые его охватили. Незабываемым останется навсегда душевная близость к Богу, которую он испытал, касаясь губами, разогретых солнцем камни Стены Плача. Со слезами он шептал свои самые сокровенные мысли, просьбы и желания, обращенные к Великому Творцу! Древняя улица Меа-Шеарим, где жили ортодоксальные евреи, очень удивила Мишу. Дома на этой улице были очень похожи на дома еврейских кварталов его родного Мелитополь. Но внешний вид жителей Меа – Шеарим не был похож на его мелитопольских земляков. Они были одеты в черные сюртуки, штаны до колен и длинные чулки. На их головах были огромные круглые шапки из лисьего меха: «Евреям, которые ходят в такой одежде на израильской жаре, наверно, не будут страшны даже адские сковородки» – подумал Миша.

Глава 4. Перспективное знакомство.

Когда Миша вернулся домой, он узнал, что знаменитый профессор из еврейского университета прочтет лекцию по истории иудаизма. В актовом зале «Мирказ клиты» собралось около сотни «олим». Профессор вольно красочно, повествовал о божественном сотворении вселенной и человека. Во время лекции Миша заметил, что «балабус» Сани стоит у двери актового зала и беседует с солидной дамой, и они, почему-то, часто смотрят в его сторону. На выходе из зала эта солидная дама остановилась напротив Миша и стала бесцеремонно его разглядывать. Оценивающий взгляд дамы привел Мишу в смущение. Сани неожиданно вырос рядом: «Миша, познакомься с Верой. Это наша уважаемая меценатка!» Дама протянула Мише толстые пальцы, украшенные золотыми кольцами с драгоценными камнями. На следующий день Мищейше позвали к телефону. Его новая знакомая предложила ему поехать в Тель-Авив и провести время веселей, чем на религиозных лекциях. Ровно в семь вечера, к дому подъехал новый легковой автомобиль «Форд» кофейного цвета. «Почему Сани поселил тебя в этой дыре?» – спросила Вера. Миша рассказал ей о встрече с грозным комендантом. Вера рассмеялась: – «Сани трус! Он лебезит перед

марокканцами!» (Евреи из Марокко – это самая большая и влиятельная община в Израиле.) «Форд» медленно двигался в потоке легковых машин, вдоль Тель-авивской набережной, заполненной гуляющей толпой. Наконец они добрались до многоэтажной гостиницы. Вера свернула в подземный гараж. Вскоре они сидели за столом на веранде ресторана яхт-клуба. Свежий ветерок с запахами моря, обдувал их. Белоснежные яхты покачивались на волнах. Официанты, одетые в матросские курточки бегали между столиками. Миша созерцал незнакомый буржуазный рай. Он вертел головой по сторонам и даже забыл о своей партнерше. Вера сидела рядом, и её оголенные плечи касались Миши. Миша не умел говорить комплименты. Женщины, с которыми он общался раньше, были простых нравов. Первые раз в жизни женщина пригласила его в ресторан. Он был очень смущен по этой причине. Миша не знал, что его новая знакомая не всегда принадлежала к израильской элите. Она была просто баловень судьбы. Десять лет назад Вера была самая обыкновенная незамужняя советская «одиночкой». Она жила вместе с матерью в полуподвальной ленинградской коммуналке, и работала преподавателем в школе, и существовала на нищенскую зарплату. В голодные годы Октябрьской революции сестра ее матери Хана, вместе с группой сионистки настроенной молодежи, отправилась искать судьбу из России в далекую Палестину. Много лет мать Веры не знала ничего о судьбе своей сестры. Она боялась наводить справки из-

за страха перед сталинскими законами. Только в шестидесятые годы, Хана, через международные организации, сама нашла свою младшую сестру в Ленинграде, и между ними завязалась переписка. Муж Ханы занимал в Израиле видное положение. Простой «киббуцник»,* за которого Хана вышла замуж, сделал блестящую карьеру и стал видным политическим деятелем Израиля. Ханы не имела детей, и она приложила максимум усилий, чтобы вырвать своих близких из Советского Союза. Вера прибыла в Израиль в 1972 году, но уже одна, без матери. Мать, перед самым отъездом в Израиль скосил, полученный в блокаду туберкулез.

Вера поселилась у тети Ханы в уютной вилле в самом центре Тель – Авива. Тетя Хана уже давно овдовела, и Вера поделила её одиночество. После смерти тети Ханы, которая ушла из жизни в девяносто три года, Вере досталось в наследство, ее уютная вилла. Вскоре судьба снова улыбнулась Вере. Американские евреи-сионисты и миллионеры» решили украсить Тель-Авив многоэтажным, монументальным сооружением Дворцом Американо-Израильской дружбы. Наиболее удачным местом для возведения этого дворца оказался земельный участок, где располагалась вилла тети Ханы. Какую компенсацию получила Вера за виллу и земельный участок, она держала в строгом секрете, однако, никто не сомневался, что это цифра с многими нолями. Выдержанное вино источало приятный аромат. Дары моря, искусно украшенные салатами, буквально таяли во рту. Пухлая, как пере-

зрелее яблоко, грудь Веры, в такт медленного танго, крепко прижималась к Мише. Однако, вместо сексуальных эмоций, этот контакт вызывала у Миши непривычное беспокойство. Уже глубокой ночью они спустились в подземный гараж. На обильно накрашенных блестящей помадой губах Веры играла загадочная улыбка. Миша очень вежливо попросил Веру, ссылаясь на болезнь матери, поскорей отвезти его домой. Загадочная улыбка на лице Веры сменилась удивленной гримасой. Холодное прощание привело Миша к мысли, что их знакомство окончено. Однако через несколько дней его снова вызвали к телефону. Вера суховато, почти официально, сообщила, что может помочь ему в трудоустройстве. В пятницу вечером у нее дома собираются люди, с которыми ему будет полезно поговорить. Вера жила недалеко от Тель-Авива в городе, названном в честь предвестника сионистского государства Герцеля. Элитные кварталы этого города, раскинулись на берегу Средиземного моря. Жителями этих кварталов были, крупные государственные чиновники, финансовые воротилами, или иностранные дипломаты. Их утопающие в зелени виллы, окруженные высокими заборами, резко контрастировали с расположенными недалеко трехэтажными бетонными коробками, очень похожими на произведения «хрущевской» архитектуры. Лучи заходящего солнца, отраженные от морской глади, скользили по лицам друзей Веры, которые расположились в шезлонгах на широкой веранде. Знакомясь с Мишей, они не отрывали своей задней

части от удобных сидений. Зато, когда Вера пригласила их ужинать, они быстро вскочили со своих мест. Между рюмочками коньяка, икрой и салатами, они, без особого интереса, задавали Мише вопросы о его советском прошлом и его планах на будущее. Этот импровизированный допрос незнакомых людей не вызвал у Миши большого удовольствия, но он охотно отвечал на их вопросы, стараясь показать себя в выгодном свете. Друзьями Веры были, два мужчины и две женщины. Они тоже были «олимы» прошлых лет. Они начали вспоминать собственную абсорбцию. Один из мужчин, понравился Мише. Он громко расхохотался, когда Миша рассказал о своих приключениях с ивритом. Звали его, в прошлом Антон, а сейчас Арик. Он рассказал о своем изучении иврита, с юмором. Арик прибыл в Израиль из Вильнюса перед войной «Судного дня». Чиновники в аэропорту, узнав, что он по специальности инженер-механик, сразу направили его на военный завод, хотя Арик не знал ни иврита, ни идиша. Тогда «олимы»-инженеры из «Руссии» были «на вес золота». В вечернем «ульпане», где его обучали ивриту по системе «иврит на иврите», он ничего не мог понять. Он был усталый после рабочего дня и просто спал на уроках. Когда началась кровавая война «Судного дня» его отправили на Голаны (граница Израиля с Сирией) ремонтировать танки. Ущелье между гор, где ремонтировали подбитые израильские танки, сирийская артиллерия подвергла массированному обстрелу. «Сотни металлических и каменных осколков от

взрывов снарядов свистели в воздухе» – рассказывал Арик. Осколок камня ударил меня в поясницу. Ноги онемели. Меня охватил страх. Как укрыться? У кого просить помощи? Кругом бегают солдаты. Я кричу им, а они меня не понимают. Вдруг я заговорил, а вернее, заорал, самые отборные израильские ругательства вперемешку с ркссским матом! меня моментально услышали и отнесли в убежище. Черт его знает, откуда у меня взялись эти ругательства?» – закончил Арик свой рассказ под общий хохот. Мужчина и женщина, сидящие за столом, были сокурсники Веры по ленинградскому институту. Они проживали на оккупированных территориях Палестины (на иврите «штахим») в вилле, которую недавно построили, вероятно, не без помощи Веры. Они пригласили всех к себе в гости. В следующую пятницу Миша с Верой и Арик с женой, на новом «Форде» пересекли «зеленую черту». Так называлась граница между территорией Израиля и «штахим». Вскоре, среди каменистых холмов они увидели виллы, окруженные садами. Друзья Веры жили в конце широкой улицы города Ариель. Этот город был жемчужина «штахим». Он не был похож на провинциальные израильские города. В этом городе не было грязных окраин и серых трехэтажных коробок с маленькими окнами. После обильного обеда в столовой, гостей пригласили отдохнуть в домашнюю оранжерею. Однако Вера была против: «Зачем сидеть в доме и жиреть? Поехали на природу! Здесь рядом есть живописные места» Недалеко от дороги, среди зеленых

холмов, вился неглубокий ручей. Деревья с голыми стволами и густой кустарник склонились над ручьем. На «доисторической родине» Миша часто занимался спортивным бегом. Он старался не изменять этой привычке и теперь. Пробежав пару сот метров по тропинке вдоль ручья, Миша остановился. Перед ним неожиданно появились из-за кустов две странные фигуры. Пожилой мужик, обросший черной бородой с пятнистым полотенцем на голове и крючковой палкой, и мальчик лет десяти с крупным камнем в руке. Они направлялись к нему. Миша не успел, испугается. Его больше всего удивили глаза этих незнакомцев. Он еще никогда в жизни не видал такой горячей ненависти в глазах, как у этих людей. За спиной послышался топот. Это Арик бежал к нему, размахивая в воздухе пистолетом. Двое странные фигуры моментально исчезли за кустами. Арик сказал Мише строго: «Здесь тебе не Украина! Там тебя только могли назвать жидом и дать по морде! Здесь арабы не будут, с тобой церемонится! Они тебя просто убьют!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.